

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ВОТ ТАКАЯ БАЙДА

СТР.14-16

МЕХЛИС

СТР.4-7

ТРУДНО БЫТЬ
ЯРМОЛЬНИКОМ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№3 (188)
ЯНВАРЬ 2024

Б

УЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

Варя Панина

СТР.20

ЗВЁЗДЫ ЭСТРАДЫ
ДЛЯ НИКОЛАЯ
ВТОРОГО

СТР.8-11

МОЕ ОБЩЕНИЕ -
ДОБРАЯ ИРОНИЯ

МОЕ ОБЩЕНИЕ - ДОБРАЯ ИРОНИЯ

Геннадий Норд

Он родился и провел юность в Тамбове, где закончил режиссерский факультет Института культуры. Во время учебы понял, что хочет быть актером.

В ГИТИС его приняли со второго раза. Потом он осознал, каким это было благом - он поступил на курс к Андрею Гончарову. Так он связал свою жизнь с Театром имени Маяковского, в котором служит больше тридцати лет.

Ну, а его визитная карточка в кино - фильм «Зависть богов» Владимира Меньшова.

Впервые же на экране Анатолий Лобозский появился в 90е годы, в одном из первых российских сериалов «Мелочи жизни». С тех пор его фильмография насчитывает более ста фильмов, в которых он сыграл самых разных персонажей - от военных и полицейских до врачей и графов.

Ещё больше лиц у Лобозского - театрального актёра, который на сцене Театра имени Маяковского сыграл несколько десятков ролей.

- Охарактеризуй себя.

- Я достаточно сдержанный человек. Могу долго накапливать кинетическую энергию, а потом это выплеснуть на какого-нибудь человека. Но это бывает очень редко.

Предельная откровенность, вывораченность наизнанку мне в принципе не свойственна - у меня организм этому просто сопротивляется. Я приму любые проблемы, а вот сам загружать других не буду.

Для меня близость людей проявляется в том, могут ли они, не скучая, молчать друг с другом.

Разочарование - это очень мощная эмоция. Разочароваться в человеке, которого знаешь месяц, невозможно. Он просто становится неинтересен. Разумеется, можно очароваться женщиной. И разочароваться в ней тоже можно. Ну, и что? В принципе думать о человеке лучше - это хорошая черта.

Я никакой не ипохондрик. Просто сызмальства был мрачноватым занудой. А все остальное как у всех.

сейчас меньше поводов радоваться. И чем их меньше, тем больше их нужно искать.

- Как ты относишься к своей работе?

- Артист - главное выразительное средство режиссера и его главная головная боль. И у великого режиссера, моего учителя Андрея Александровича Гончарова, была любовь-ненависть. Он мог относиться к артистам, как родной отец, а мог как настоящий Карабас-Барабас.

Я ни разу не видел на съемочной площадке никакой атмосферы любви. Это производство.

Работа и профессия обязаны быть интересными - иначе просто не стоит этим заниматься. И у меня были довольно тяжелые периоды в своем театре, но если тогда я забил болт на театр, в который не хотел ходить, то совсем не забил на свою профессию.

Я лишен чувства зависти. И не хочу этому учиться. Я смотрю фильм и вижу, как сыграл другой человек, и знаю, как бы сыграл я. Но сожалеть по этому поводу - нет.

- Ты богатый человек?

- Я никогда не жил в роскоши. Вырос в достаточно бедной среде. Интеллигенция никогда в те годы не была богатой. Я всеяден, равнодушен к одежде, меня мало волнует

комфорт, но нехватка денег всегда угнетает. Когда не на что купить сигарет, это напрягает. У меня случилось и такое.

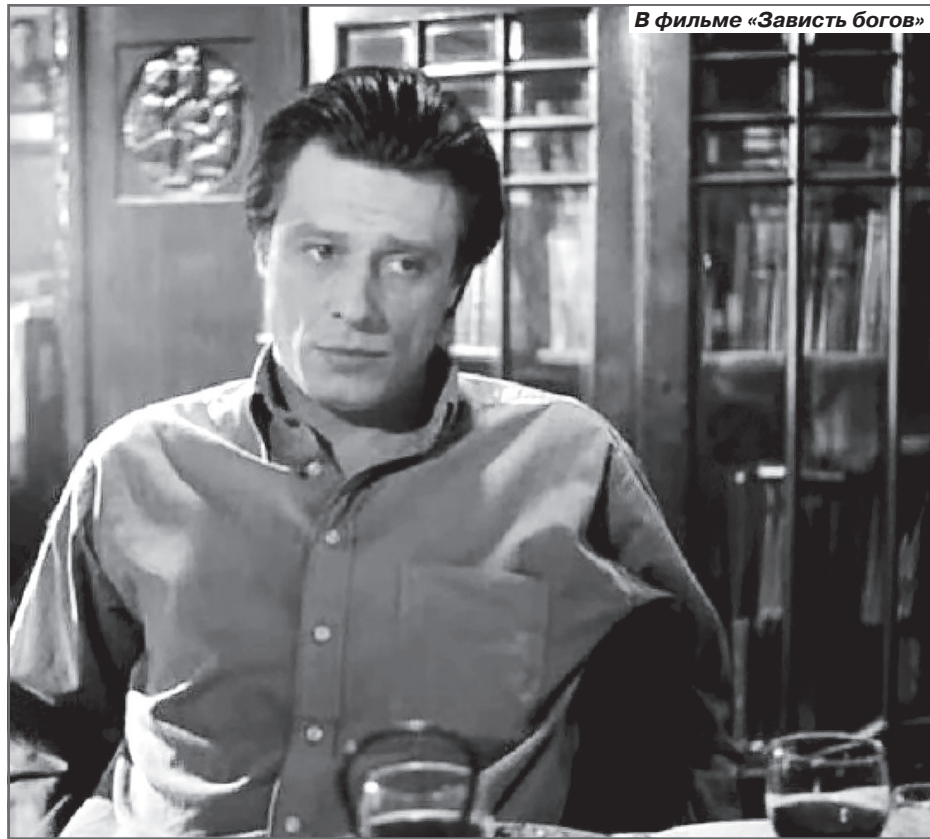
Я с двенадцати лет работал, разгружал вагоны. Родители позволяли мне зарабатывать собственные деньги. На них я ездил отдыхать с друзьями, ловить рыбу. На втором курсе у меня уже был маленький ребенок. Вот почему я опять же работал: художником-декоратором, художником-оформителем в ДК и дворником. А во время учебы в ГИТИСе - еще и плотником, плюс вел театральный кружок на главпочтамте.

Для меня счет в банке и виллы в дорогих курортных местах - не показатель богатства. Деньги нужны для независимости. А это необязательно несколько особняков по всему миру. У меня нет таких запросов. Я просто к ним не привык.

- Твое отношение к любви?

- Когда мы влюблены, глаза у нас закрываются. Любовь, как правило, слепа. Хотя в моем возрасте слепым быть уже нелепо.

Ревность - эмоция деструктивная. И я знаю, о чем говорю. В молодости проходил многое. Но, к примеру, вредно есть жареное, но это не значит, что я его не ем. Так и тут. Сейчас уже подключается инстинкт самосохранения. И это спасает от многого.

- Ты ощущаешь свой возраст?

- Как бы я себя ни ощущал, как бы я ни подскакивал, каким бы юным козликом ни прикидывался, я все равно прекрасно знаю и год своего рождения, и все свои возрастные проблемы, которые возникают у человека с годами.

Несмотря на возраст, у меня ничего особо не притупилось в восприятии жизни. Я человек консервативный. И мои приоритеты, сложившиеся лет двадцать назад, уже особо и не меняются.

Я смеюсь, когда смешно. Радуюсь, когда радостно. Вещи, которые меня удивляли тридцать лет назад, продолжают удивлять до сих пор. Может быть,

В спектакле «Школа жён»

С Юлией Рутберг

В спектакле «Обломов»

С Ириной Гринёвой

Полигамность - это необязательно физические измены. Это просто отношение к женскому полу, какие-то желания и внутренние потребности мужчины, которые совершенно необязательно должны реализовываться в натуре.

Свобода - это то, что я ценю больше всего. Только моя свобода весьма приблизительно зависит от того, женат я или нет. Женщины пытались меня перевоспитывать. Но, как мне кажется, я из породы не особо поддающихся, даже, можно сказать, не поддающихся людей.

Я могу измениться сам: если я знаю, что человеку неприятна какая-то моя черта, то зачем же лишний раз раздражать его, если это не жизненно необходимо? Хотя, разумеется, по большому счету перестроить свою психику невозможно.

- Сегодня для многих пьеса в стихах, как, например, «Школа жён» Мольера, - вещь непонятная. Но ваш спектакль смотрится на одном дыхании...

- Работать со стихотворным текстом - особое удовольствие, 72 страницы стихотворного текста оказались мне самому близки и интересны. Вся работа доставляет удовольствие. Сюжет заставляет откликаться. На самом деле в искусстве есть две темы - любовь и смерть, и обе мне интересны, как и любому зрителю. И чем интереснее они раскрыты, тем лучше восприятие зрителя.

- Чем эти темы тебе близки?

- Их можно бесконечно интерпретировать и поворачивать разными гра-

нями, смотреть с разных углов зрения. «Школа жён» - спектакль про любовь стареющего человека к юной девушке, и, что скрывать, мне как стареющему человеку эта тема безусловно близка. Седина в бороду и так далее! В той или иной мере эту страсть переживают все мужчины. Поэтому они и идут посмотреть этот спектакль.

- Ты работал со многими театрами, но всегда преданно служил одному - Театру имени Маяковского, не покидая его даже в сложные годы. Чем он тебя держит?

- Наш театр уникален своей внутренней жизнью и атмосферой. Я нигде не видел такого взаимоотношения всех работников театра. Это уникальное отношение к своему театру, к своему дому. И поэтому я много-много лет ему предан.

- Одна из твоих коронных ролей в театре - Захар в «Обломове». Ты, мечта миллионов женщин, и вдруг старик-слуга.

- Когда мне предложили его сыграть, я мгновенно согласился. Любой актёр хочет немножко отойти от своего привычного амплуа, пошалить, заклеить лицо какой-то гадостью и повыпендриваться. Всё это мне и дал Захар. Да и сам литературный образ замечательный. Тем более что в классических пьесах слуга если не главный герой, то точно важный и сопутствующий главному герою. И несёт важную нагрузку.

- У тебя первое режиссёрское образование. Почему ты не стал режиссером?

- Потому что я не хочу быть плохим режиссёром. А образование помогает мне в профессии.

- Одной из твоих первых партнёрш по сцене была Наталья Гундарева. Есть ли сегодня близкие по таланту и дарованию актрисы?

- Думаю, что есть. Такой глубины и актёрской природы, как были у Наташи, мало, но хороших, мощных актрис у нас в достатке. И не только талантливых, но и умных. Расхожее мнение о том, что актёр должен быть глупым, устарело ещё в середине XX века. Он должен уметь подчиняться, но не быть глупым. Если актёр - личность, то что бы он ни играл, на него приятно смотреть. Даже если спектакль плохой. А вот увидеть ум и талант не всегда получается. Часто увидеть талант актёров мешает, как его называют, «новаторство» режиссёров.

Но поверь, всё, что сейчас выдаётся за ноу-хау, это либо хорошо забытое старое, либо вообще ещё и не забытое. Все эти «Театр.doc»... Всё это существовало и раньше и начиналось в Европе в 30е годы, а в Польше - в 50е. Мейерхольд тоже чего только не ставил и как только не чудил. Так что кардинально нового в современных постановках я не вижу.

- Так каким же должен быть современный театр?

- Он должен развиваться в самых разных направлениях, но это не значит, что все эти направления мы должны понимать и любить. Это как архаусное кино, которое почти никто не видит. Каждому своё. То же и в театре. Должны быть разные направления, разные веяния, если, конечно, они находят своего зрителя. А в остальном - всё было, всё повторяется. Если есть те, кто это любит, пусть будет. Но это не моё.

- Как ты относишься к славе, к поклонникам, к слухам, витающим вокруг тебя? В одном из журналов описывалось, как твои поклонницы передают залитые слезами признания в любви к тебе почему-то актрисе Ольге Кабо, чтобы она тебе их вручала.

- Это - полная лажа! Оля говорила о письмах своих поклонников. А в журнале написали, что ей приходят письма обо мне. Ну, какого хрена ей будут приходить письма по поводу меня, когда пишут ей давно, а мы с ней встретились на съёмочной площадке совсем недавно?

Окончание на с. 10

С Игорем Костолевским

С Борисом Клюевым и Геннадием Нордом

С Еленой Скороходовой

С Татьяной Лютаевой

С Любовью Руденко

Окончание. Начало на с.9

- И часто бывают такие накладки?

- Случаются. Но всего, что касается моей личной жизни, я не то что опровергать - близко обсуждать не буду. Особенно, когда это касается моментов интимных. Это то, что называется «не для прессы». Так вот: о личной жизни я говорить не хочу. Какая кому разница, с кем я живу или кто со мной живет!

- Ты доволен своими ролями?

- Нет. Как только мне начнет нравиться собственная игра, все! Пора завязывать с этой профессией и заниматься чем-нибудь другим. Пока человек чувствует для себя возможность чему-то учиться, а не думать: «Во, как я сыграл!» - у него есть перспективы

- Твои родители были гуманитариями: папа - журналист, мама работала в библиотеке. Ты рос книжным мальчиком или хулиганил, чтобы не прослыть паинькой?

- Одно другого не исключало. Я много читал, но это не мешало мне любить улицу и все доступные подросткам развлечения, которые предлагал мой родной город Тамбов в 60-70-х годах. Разделить в себе тогдашнем «ботана» и хулигана я не могу.

- И какие книги читал этот хулиганистый ботан?

- Стандартный набор: Дюма, Майн Рид, Жюль Верн, Хаггард и так далее. Не скажу, что какое-то одно литературное произведение определило мою жизнь. Честно говоря, альбомы с репродукциями картин из знаменитых музеев, например, Мюнхенской пинаотеки, производили на меня гораздо более сильное впечатление, чем книги. На «Автопортрет» Дюрера я мог смотреть часами. Вот такой странный я был хулиган.

- Об актерской профессии ты, кажется, не мечтал. Тебя влекла живопись?

- Я учился в художественной школе, почти одинаково любил и рисунок,

и скульптуру, и живопись, и думал, что именно с этим и будет связана моя жизнь. Ничего другого я делать не умел, да, по правде говоря, и не хотел. Но мало ли, что мы предполагаем в молодости.

- И, тем не менее, ты отправил свои работы в Суриковское училище и получил оттуда приглашение на экзамены. Что помешало осуществить мечту?

- Необходимость остаться в городе. Так сложилось. И кроме филиала Московского института культуры, я не нашел для себя в Тамбове иных точек приложения сил. Выбрал отделение режиссуры народного театра, толком не имея понятия о том, что это такое.

- Хочешь сказать, что к тому моменту ты ни страницы из Станиславского еще не прочел?

- А с какого перепугу я должен был в 17 лет читать Станиславского? Мне показалось, что поступление на режис-

серский не потребует от меня особых усилий. В таком возрасте, согласись, это главный критерий выбора. А сочинение, история и прочие экзамены для меня трудностей не представляли.

- На Вильяма нашего Шекспира замахнуться не мечтал?

- Только в виде учебных отрывков. А дипломный спектакль я ставил по пьесе Александра Ремеза «Был выпускной вечер». После «Дорогой Елены Сергеевны» очень популярной стала тема вчерашних школьников на пороге взрослой жизни. Пьеса была незатейливой. И я создал столь же незатейливый спектакль в народном театре города Касимова. Главную роль играл я, второстепенные мои однокурсники, которые к тому времени работали в коллективе. Единственным непрофессиональным артистом была замечательная девушка Танюша - исполнительница главной женской роли.

В общем, с народом, как таковым, мне в народном театре столкнуться не довелось.

Сыграли мы «Вечер» несколько раз с большим удовольствием, я получил диплом и поставил точку в занятиях режиссурой.

- И сразу отправился штурмовать ГИТИС?

- Не сразу. И это была уже вторая попытка. Первую я предпринял еще после третьего курса. Поступал везде, как это делают многие, имея весьма хилое представление о набирающих курсы педагогах. Но в те годы получить подряд два высших образования было очень и очень проблематично.

- Нет худа без добра: ты попал на курс к самому Гончарову.

- Не скажу, что я рвался именно к Андрею Александровичу, но он, безусловно, был в приоритете.

- Каким он был педагогом?

- Абсолютно гениальным организатором процесса. Гончаров подобрал на кафедру совершенно уникальную команду педагогов. В этом он был очень крут. Актерам-первокурсникам, кроме общих теоретических познаний, Андрей Александрович ничего дать не мог, он ведь был практиком, а мы еще ничего толком не умели. Он больше уделял внимания режиссерской группе. Но наши показы он всегда

отсматривал очень внимательно, и как только мы доросли до состояния, когда могли хоть как-то понимать и выполнять задачи, которые он ставил, начались репетиции. И вот этот процесс словами уже описать трудно, надо видеть, слышать, соучаствовать.

- Гончаров взял тебя в свой театр. Говорят, ты был одним из немногих, кто обладал «иммунитетом» к его гневу. Как это у тебя получалось?

- Надо было просто разделять, когда он кричит на тебя, а когда на себя самого. То есть когда знает, чего хочет от тебя добиться, и когда не знает. Бывало так, что Андрей Александрович кричал:

- Нет, это не то!

А что-то, сформулировать не мог, поскольку сам еще находился в поиске решения репетируемой сцены. И в таком случае ему просто надо было показать десять вариантов подряд. По сути, все эти выплески эмоций нужны ему были для того, чтобы разбудить, подстегнуть и артистов, и себя. Вместо того чтобы обижаться или пугаться, надо было выработать определенный алгоритм работы. У меня получилось. Не скажу, что мне всегда было комфортно, но до обморочного состояния никогда не доходил.

- Что общего у «Маяковки» времен Гончарова с нынешней?

- Сильная труппа и атмосфера внутри нее. Это и держит меня именно в нашем театре. После института у меня было несколько приглашений, но я выбрал Маяковского. Нас с третьего курса занимали в спектаклях, и труппа нас приняла очень приветливо. Никто нами не помыкал, не заставлял лакействовать. В нас видели младших товарищей, почти коллег. В этой атмосфере тепла и участия мне захотелось остаться. В остальном это, безусловно, совершенно другой театр: репертуар, авторов, режиссуру сравнивать невозможно. Просто глупо.

- Сегодня Театр Маяковского считают едва ли не таким же бастионом русской классики, как и Малый.

- В театре должна быть русская классика - и драматургическая, и литературная. Ведь вечные вопросы никуда не деваются, да и ответы на них, как мне кажется, не так сильно зависят от того, какой за окном год или даже век. Чтобы оставаться современным, театру вовсе не обязательно переносить на сцену ежедневные сводки новостей.

- Ты играешь и английскую классику.

- Мне комфортно в хорошей драматургии, а английская она или китайская

- совершенно все равно. Но английская она в Национальном театре в Лондоне или в восстановленном шекспировском «Глобусе». Переводчик, каким бы совершенным ни было его знание языка, культуры, психологии той или иной страны, остается в первую очередь представителем своей нации. А, кроме того, его задача сделать исходный текст понятным именно своим соотечественникам, и в результате получается некий довольно сложный симбиоз.

- Со времен «Зависти богов» для прекрасной половины зрительской аудитории ты - реальное воплощение «настоящего мужчины». Любовь публики жизнь не осложняет?

- Ну, если воплощение, то скорее экранное, чем реальное. Зрителю свойственно наделять понравившегося актера всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами. В жизни же, как известно, все гораздо неоднозначнее: кто-то, при внешности и манерах абсолютного супермена, попав в передрагу, ломается, а какой-нибудь «тюфяк» проявляет не показное мужество. А что до зрительских симпатий - они просто часть нашей профессии. Сегодня - есть, завтра - угасли. Но ни наличие их, ни отсутствие не делает тебя самого ни лучше, ни хуже.

- Как ты проводишь время на гастролях, кроме работы?

- Я всегда, какой бы это ни был город, обхожу его пешком.

- Ты один бродишь по улицам или любишь, чтобы собеседник был рядом, чтобы было с кем делиться впечатлениями?

- Один. Хожу я быстро. И не каждый успевает ко мне присоединиться. С кем поделиться впечатлениями, я найду.

- В каком городе ты себя комфортно ощущаешь?

- Я космополит. Мне комфортно там, где я живу, где у меня есть дело, где есть люди, которые мне приятны, вот и все. На первом месте в этом ряду, конечно, работа. Мне хорошо там, где я занимаюсь делом. Это, может быть, Лондон, Париж, Мадрид, Тамбов, Мичуринск...

- Как поднимаешь себе настроение в период душевных ненастий?

- Лучше всего помогает смена рода деятельности. Я могу зимой сорваться покататься на лыжах, а летом поехать на рыбалку, залезть на машине в болото по самое не хочу.

- Какое общение с людьми ты предпочитаешь?

- Самое удобное общение - это добрая ирония.